

Содержание

1. Фронтное шоссе.....	3
2. Ленин.....	4
3. Таран.....	5
4. Будни фронтовые.....	6
5. Москва в сорок первом.....	7
6. Ленинское знамя.....	8
7. Поединок.....	9
8. Новгороду.....	10
9. Пусть войной земля оглушена.....	11
10. Сегодня бой и завтра будет бой.....	12
11. Опять весна над русскими полями.....	13
12. У репродуктора.....	14
13. Поезд в полночь уходил на фронт.....	15
14. В то утро.....	16
15. Лейтенант.....	17
16. На переднем крае.....	18
17. В засаде.....	19
18. Псков.....	20
19. Танкист.....	21
20. Тебе, советская армия!.....	22
21. Солдат.....	23
22. Свет победы.....	24
23. Красная площадь.....	25
24. Грозно грянула война.....	26
25. В грозу.....	27
26. Севастополь.....	29
27. Танки в колхозе.....	30
28. Москва затемнена.....	31
29. 22 июня 1941 года.....	32
30. Павшим.....	33
31. Вступление в Чортков.....	35
32. Могила красноармейца.....	36
33. Потомкам.....	37
34. След.....	38
35. Расплата.....	39
36. Хорошая, любимая, родная.....	40
37. Опять весна над русскими полями.....	41
38. Видит месяц.....	42
39. Не отделить нас четырёх стенам.....	43
40. Пионерский галстук.....	44
41. Сквозь время.....	45
42. Знамя.....	46
43. В то далекое загляни-ка.....	47
44. Кровь.....	48
45. Зеркальце.....	49
46. Вправе.....	50
47. Места за партией.....	51
48. Энская застава.....	52
49. Осень.....	53
50. Я сердцем родину объёмлю.....	54
51. Санитар.....	55
52. В рабочем посёлке, занятом белыми.....	56

53. Атака.....	57
54. Боец Садоха.....	58
55. О красоте.....	59
56. По дороге на аэродром.....	60
57. Арсений Дмитриев.....	61
58. Танкисты в часы отдыха.....	62
59. Идёт зима.....	63
60. Смерть врагу.....	64
61. Москва.....	65
62. Я сердцем родину объемлю.....	66
63. О Москве.....	67
64. Где побыл враг.....	68
65. Как один за Родину.....	69
66. Сорок первому году.....	70
67. О весне.....	71
68. Вбежала в небо красная ракета.....	72
69. Партизанка.....	73

Фронтное шоссе

Б. Бялику

Гудят машины, тягачи грохочут;
земля похрустывает на зубах,
и у изрытых бомбами обочин
бензином, пылью каждый куст пропах.

Идут цистерны, танки,
конный, пеший;
прошли полки, дивизии прошли.
Не шевельнётся лист отяжелевший:
ему, как в шубе, тяжело в пыли.

Ещё трудны недели фронтовые.
Шоссе скрежещет, лязгает. Оно
ведёт не просто на передовые –
оно к победе всё устремлено.

1941

Ленин

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины сожжённого квартала.
Враги в советский городок вошли
и статую низвергли с пьедестала.

Фашист-полковник был надменно рад,
что с Лениным расправился так скоро,
и щёлкал долго фотоаппарат
услужливого фоторепортёра.

Настала ночь притихшая... И вдруг-
треск автоматов, крики, чьи-то тени:
то партизаны замыкали круг,
и вёл их - Ленин.

Июль 1941 г.

Таран

Памяти лётчика Константина Груздева

Уже пол неба залито рассветом.
Не спим. Глазами шарим в синеве.
Там враг летит, за облаками где-то,
к нам бомбы чёрные швырять в рассвет.
А где-то, может, около Валдая,
а может быть, и около Москвы,
певуче истребитель вылетает,
и ласково за ним следите вы.
Следите, чтобы после с восхищеньем
рассказывать, как, низвергалась в прах,
уже без хвостового оперенья,
теряя крылья, падал враг.

1941

Будни фронтовые

Кончен с августом расчёт,
и дожди не ждут указок.
Серая вода течёт
струйками с зелёных касок.

От дождя звенит в ушах.
И хотя не замечаем,
осень с нами в блиндажах
греется горячим чаем.

Тяжела ты, фронтовая
грязь на мокрых сапогах!
Но живём, не унывая,
как в письме в иных строках.

Терпеливо, без движенья
снайперы лежат тайком –
и мгновенные мишени
падают в траву ничком.

Под ветвями мокнут танки
на исходном рубеже,
и вода в консервной банке
плещется на блиндаже.

1941-1942

Москва в сорок первом

Взбежала в небо красная ракета
и не успела в небе догореть —
ударила зенитка где-то,
потом ещё... И начало греметь.
И воздух, потрясённый громом долгим,
то тут, то там сверкает над Москвой.
В полночном небе звёзды да осколки.
В домах — по радио — сирены вой...
Завидуя бессмертной нашей славе,
найдут потомки нужные слова,
но будет трудно им себе представить,
какой же в эти дни была Москва.
Там, в будущем, им словно всё приснится:
колющий снег в ночи прифронтовой,
открытые обветренные лица
в сверкании зениток над Москвой,
военные плакаты в коридорах,
в походных книжках адреса друзей,
разгромленные танки, у которых
на гусеницах пыль Европы всей.

1941

Ленинское знамя

Скрежещут танки, свищут пули.
мы бьёмся в яростном бою.
И знамя пыльное в июле
светлеет от январских вьюг.

Оно всю Родину объемлет,
и свет его в сердцах живёт.
И мёртвый, падая на землю,
на древке рук не разожмёт.

Оглушены моря и суши
неумолкающей войной.
Лишь правда Ленина осушит
от слёз и крови шар земной.

1942

Поединок

Из камня высекут – и на века
останется с гранатою рука.

Танк всё сминает на своём пути,
но встал боец – и танку не пройти.
Рванулось пламя красное под ним,
и танк осел, оделся в чёрный дым.

Из камня высекут – и на века
останется с гранатою рука.

1942

Новгороду

Живи, великих предков город,
Москве старинная родня!
Прохлада каменных соборов
от гулких стен шла на меня.

Мы не забыли, не забыли
тебя, наш город фронтовой,
как танки, белые от пыли,
шли по булыжной мостовой,
как со стеной кремлёвской рядом
метался дым в пустом окне.
Ты от фугасок и снарядов
в багровом умирал огне.

Я в ту печальную годину,
уставший до последних сил,
тебя покинув, на седилах
твой горький пепел уносил.

1942

Пусть войной земля оглушена,
будет день – наступит тишина.

Обойдёт она хлеба и травы
и твоё благословит жильё.
Но мечтать о ней имеет право
только тот, кто бьётся за неё,
кто в труде сжигает дни и ночи,
принимая тяготы войны,
кто, покуда смертный бой грохочет,
ищет боя, а не тишины.

1942

Сегодня бой и завтра будет бой.
Течёт песок в землянке от обстрела.
Мы за войну не виделись с тобой,-
наверно, изменилась, постарела.

Нет, и сейчас передо мною ты
встаёшь красивая и молодая.
Люблю тебя – и годы, пролетая,
не тронут в памяти твои черты.

1942

Опять весна над русскими полями.
Ты писем ждёшь, недели торопя.
Их много с фронтовыми штемпелями
скопилось за два года у тебя.
Пускай у писем далека дорога
от обжитых землянок фронтовых,
но эти письма я руками трогал,
и ты, читая, будешь трогать их.

1942

У репродуктора

Я вижу: снег над Камой чист и лёгок.
Твоё окно полночное слепя,
пылит метель. Как до тебя далёко,
почти что пол-России до тебя!

Но в этот час не властно расстояние,
не властна вьюга и пространство тьмы:
не только голос диктора – дыхание
его, я знаю, слышим оба мы.

Поезд в полночь уходил на фронт.
Нежных слов ты мне не досказала.
Вспомнишь ли сегодня тот перрон
затемненного вокзала?
Я, обняв тебя, глядел в глаза.
Новые ремни на мне скрипели.
Да, друг другу многого сказать
за двенадцать лет мы не успели.

1942

В то утро

Как будто бы и не было на свете
покоя мирного. Горячий, злой,
сметал, корежил все фугасок ветер,
зарю мешая с дымом и землёй.

Шли самолёты за звеном звено,
с животным рёвом танки шли – и стало
над белорусскою землёй темно,
над Украиной будто не светало.

1943

Лейтенант

Лежит в кармане назначенье
туда, где не смолкает бой.
Он дверь училища с волнением
закрыл сегодня за собой.
Похрустывает портупея,
заправленная под погон.
Довольный, но чуть-чуть робея,
в гвардейский полк приедет он.
Он должен быть отцом солдату,
но, может статься, тот солдат
давно женатый и усатый,
а он безус и не женат.
Не сладко, знает он, в пехоте:
и дождь сечёт, и зной палит,
и гимнастёрку на походе
он трудным потом просолит.
Он примет взвод, а может, роту,
он не гостить приедет в полк,
он с ним пройдёт огонь и воду,
износит много пар сапог.
Где шёл в атаку, где был ранен
И города какие брал,
Потом рассказывать он станет-
Уж поседевший генерал.

1943

На переднем крае

Хлестнуло светом нестерпимо ярким,
и стала ночь светла до слепоты.
От сотни фар, как от электросварки,
белы, мертвы деревья и кусты.

Бойцы лежат без выстрела, без вскрика,
припав к оружию, команды ждут.
Тут каждый холмик пушками утыкан.
Но «тигры» и «пантеры» всё идут.

Вдруг засверкало всё, загрохотало,
слилось в один протяжный рёв и вой.
Горячий ветер смерти и металла
проносится над самой головой.

В ружейном масле, в ссадинах ладони;
они в боях натружены, грубы,-
и танки на окопах, как кони,
встают с предсмертным рёвом на дыбы.

Металл визжит, хрустит, скрежещет тупо,
и грудь на грудь, броней на броню
старик Урал идёт на немца Круппа,
и до рассвета бушевать огню.

Землёю пахнет и железом жжёным.
Багровым сполохом над полем дым.
Ни полвершка земли освобождённой,
родной земли, врагу не отдадим.

Ведь тут передний край не батальона
и не дивизии, ты это знай!
Тут будущего, битвой озарённый,
тут счастья нашего – передний край!

1943

В засаде

Под мокрым небом яблони озябли.
В саду засада наша. Враг – вблизи.
Тяжёлый танк врыт между старых яблонь,
и он весь в листьях жёлтых и в грязи.

Ещё грознее будет он, упорней
стоять свершая отомщенье тут
за то, что яблоням мы подрубили корни
и что весной они не расцветут.

1943

Псков

Был немец так же лют и брав,
на каблуках – подковы.
Шли в восемнадцатом, поправ
седую землю Пскова.
И это им в февральской мгле
победою казалось.
Лишь каски ржавые в земле –
всё, что от них осталось.

И в сорок первом шли, пыля,
сжимая город с флангов.
Дрожала псковская земля
От серых низких танков.
И это немцам в дымной мгле
победою казалось.
Лишь прах железный на земле -
всё, что от них осталось.

1943

Танкист

Он, отважный, не дрогнет в деле,
вздёрнет танк на дыбы, что коня,
и ладони его затвердели:
третий год всё броня да броня.

Где-то милая помнит о друге.
Как ни долго, а будет ждать,
чтоб в такие надёжные руки
своё девичье счастье отдать.

1944

Тебе, советская армия!

Я счастлив славить каждою строкою
твою на каске красную звезду,
твои победы, ленинской рукою
тебе написанные на роду.

Не потому ли к нам, под наши крыши
непотревоженным приходит сон,
что мы брони твоей дыханье слышим
и видим отсветы твоих знамен.

1944-1971

Солдат

Он в это утро, далеко от дома,
дошел до самого конца войны.
Он в стольких битвах не оглох от грома,
а вот сейчас оглох от тишины.
Он, улыбаясь, жмурится от света,
еще пропахший дымом, весь в пыли:
«Так вот она, товарищи, победа,
так вот когда мы до неё дошли!»
Вседневно смерть глаза его видали.
Но он сумел и смерть столкнуть с пути.
Суровые солдатские медали
блестят от солнца на его груди.
Ведь это он из Эльбы черпал воду,
своим помятым котелком звеня...
И вспомнил он товарищей по взводу,
что не дошли до праздничного дня,
и вспомнил он о Родине. И мог ли
не вспомнить! Как она сейчас близка!
Пусть ни в какие не видна бинокли,—
не к ней ли уплывают облака?
Она сейчас, как о любимом сыне,
салютным громом говорит о нём,
о нём, кто на плечах могучих вынес
всю тяжесть битв, не дрогнув под огнем.

1945

Свет победы

Упала с окон темнота.
Москва сегодня светом залита,
и радость над разливом площадей
сияет в окнах, как в глазах людей.

Мы о такой Победе и мечтали,
стараясь заглянуть за край войны,
но дымом заволакивало дали
и только прибавлялось седины.

И вот – в глазах сверкание салюта,
и слёзы сдерживаются с трудом.
Причастна к славе каждая минута,
И ты стоишь и думаешь о том:

пускай несётся времени река,
пускай другие народятся люди, —
они увидят этот блеск орудий
и этот гром услышат сквозь века.

Май 1945 г.

Красная площадь

Тут каждый камень памятен и дорог,
тут след времён минувших не исчез:
есть под брусчаткою земля, которой
Ивана Грозного касался жезл.

Заря на маковках церквей лучилась,
теснился люд московский от застав:
кровь Разина по капле тут сочилась,
солинками земли священной став.

Ещё в пальбе тут красный флаг был поднят.
Тут Ленин выступал в бессмертный день,
и жестом, ставшим бронзою сегодня,
на камне отпечатывалась тень.

В сердца людские врезывались даты
Народных ликований и невзгод.
За кровь и слёзы жаждавший расплаты,
Тебя мы видим, сорок первый год.

Мы видим, чуть привстав над днём, над веком,
как сталинские слушала слова
запорошенная ноябрьским снегом
прифронтовая строгая Москва.

Пришла победа. Кто её не ждал!
Над Красной площадью, над каждым домом,
над каждою травинкой грохотал
салютный гром весенним первым громом.

Грозно грянула война,
разлучила – не спросила.
У иных любовь она
первым ветром погасила:
в прах – красивые слова!
Но и так, конечно, было:
ждало сердце год и два,
а на третий позабыло,
позабыло боль и сны.
А ведь был ещё за третьим
и четвёртый год войны.
Кто солдата дома встретил?
Да, воистину светла
та любовь (был срок не краток),
что сквозь всю войну прошла
с гордой строгостью солдаток.

1945

В грозу

Катает ядра гром
с небесной светлой кручи.
Подуло холодком
от подступившей тучи,

И чернотой её
в природе всё затмилось.
Вдруг молнии копъё,
блеснув, переломилось.

И хлынул дождь прямой,
тяжёлый, как железо.
Кто не успел домой,
укрылся под навесом.

Чуть виден исполком,
где ливнем флаг полощет.
Девчонка босиком
перебегает площадь.

Мальчишки что-то вслед
кричат...
С другими вместе
мужчина средних лет
стоит в одном подъезде.

Стоит он у стены,
набрался впрок терпенья.
На пиджаке видны
нашивки за раненья.

Он думает о том,

что многим — он-то знает —
простой из тучи гром
войну напоминает.

А шустрым огольцам
поры послевоенной
(не то что их отцам)
то — гром обыкновенный.

И пусть на их веку
не будет по-другому!
Они под дождь бегут
и радуются грому.

1949

Севастополь

Вот он стоит, белизною сверкая!
Взберись по ступенькам – он весь на виду:
Суворовская, Большая Морская
и улица Ленина к морю ведут.

Где бомбы свистели и пахло золою,
давно деревца набирают рост,
и девушки, руки испачкав землёю,
сажают колючие кустики роз.

Не только курган, где остаток редута
да тень на песке от листвы сквозной,
все улицы ветром морским продуты,
промыты крымской голубизной.

Тут сыплет акация белым цветом,
а там обтекает уже синева
подросшие тополи... чтобы поэтам
с названием города их рифмовать.

И тут же щебёнка хрустит под ногами:
строители новый кончают квартал.
Был частью горы инкерманский камень-
домами, дворцами, школами стал.

Шумит детвора, и по новым аллеям
проходят матросы, в плечах широки;
их форменки пены морской белее,
синее моря воротники.

И, жизнь охраняя и павших покой,
любви всенародной достоин,

стоит Севастополь над синью морской-
строитель и воин.

1953

Танки в колхозе

За огородом дедушки Тараса
остановился танковый отряд.
Сбежались дети, приумолкли сразу,
босые, быстроглазые, стоят.
Тарасов правнук, без штанов, но важен,
гонять котёнка бросил во дворе.
Из бронированных вылазят башен
и прыгают танкисты к детворе,
стирают светлые росинки пота
и припадают к ковшику с водой,
как будто, до заката проработав,
они вернулись с пахоты домой.

1938

Москва затемнена

В настороженном городе темно,
навстречу светом не блеснёт окно.

Ну что ж, пускай Москва затемнена,
пускай огни зажжём ещё не скоро, —
и, затемнённая, она
на свете самый светлый город.

1942

22 июня 1941 года

Казалось, было холодно цветам,
и от росы они слегка поблёкли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
и пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
влезали в танки, закрывали люки.

Такою всё дышало тишиной,
что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чём,
а славил бы всю жизнь свою дорогу,
когда б армейским скромным трубачом
я эти пять минут трубил тревогу.

1943

Павшим

Весь под ногами шар земной.
Живу. Дышу. Пою.
Но в памяти всегда со мной
погибшие в бою.

Пусть всех имен не назову,
нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
что умерли они?

Была б кощунственной моя
тоскливая строка
о том, что вот старею я,
что, может, смерть близка.

Я мог давно не жить уже:
в бою, под свист и вой,
мог пасть в соленом Сиваше
иль где-то под Уфой.

Но там упал ровесник мой.
Когда б не он, как знать,
вернулся ли бы я домой
обнять старуху мать.

Кулацкий выстрел, ослепив,
жизнь погасил бы враз,
но был не я убит в степи,
где обелиск сейчас.

На подвиг вновь звала страна.

Солдатский путь далёк.
Изрыли бомбы дочерна
обочины дорог.

Я сам воочью смерть видал.
Шёл от воронок дым;
горячим запахом металл
запомнился живым.

Но всё ж у многих на войне
был тяжелее путь.
И Черняховскому — не мне —
пробил осколок грудь.

Не я — в крови, полуживой,
растерзан и раздет, —
молчал на пытках Кошевой
в свои шестнадцать лет.

Пусть всех имён не назову,
нет кровнее родни.
Не потому ли я живу,
что умерли они?

Чем им обязан — знаю я.
И пусть не только стих,
достойна будет жизнь моя
солдатской смерти их.

1948

Вступление в Чортков

Идут машины по дорогам тесным.
Поблёскивают танки в стороне.
Сентябрьский дождь струится по броне,
и даже дождь нам кажется железным.

Мы входим в город; с тротуарных плит
сбегает шумная вода; цветами
встречают нас, и радуга над нами,
как арка триумфальная, стоит.

Над вольною землёй вознесена,
над городом, над шляхом, над бойцами,
и где-то за зелёными лесами
в Карпаты упирается она.

1939

Могила красноармейца

Затих печальный звон лопат.
Земную не оспоришь силу
засыпят листья у Карпат
красноармейскую могилу.

Она осядет от дождей,
от снега в ледяные ночи;
зеленоватую на ней
стальную каску ржа источит.

А если это так – должна
хоть песня с временем поспорить,
как боевой клинок в ножнах,
как эта синева предгорий.

1939

Потомкам

Вас нет ещё: вы – воздух, глина, свет;
о вас, далёких, лишь гадать могли мы,-
но перед вами нам держать ответ.
Потомки, вы от нас не делимы.

Был труден бой. Казались нам не раз
незащищёнными столетий дали.
Когда враги гранатой били в нас,
то и до вас осколки долетали.

1940

След

Махновцы уходили от погони.
В местечко красные вошли, пыля,
и у крыльца привязанные кони,
роняя пену, грызли тополя.

Позвякивали стремяна, уздечки,
и девочка одиннадцати лет
по улице ожившего местечка
шла и будённовцам махала вслед.

Всё глуше, глуше цокали подковы
и слышались уже из тишины.
Сквозь лёгкий шум собрания заводского
прислушаться – они сейчас слышны.

Чуть дрогнув бровью, худенькая, встала
над резким председательским звонком –
не девочка в местечке захудалом –
партийка на собрание заводском.

Её привёл сюда сквозь столько лет
немеркнувший красноармейский след.

1941

Расплата (горе матерей)

Пахнет гарью. Воздух пышет жаром...
Пламя проносилось по селу.
Всюду пальцы страшного пожара
шевелият горячую золу.
Куры хохлятся на пепелище,
где вчера куриный был шесток.
Бродит женщина, кого-то ищет,
сбился чёрный с седины платок.
- Дочка, где ты, где? – перед глазами
две косички, бантик голубой,
самолёты с чёрными крестами
над льняной, над детской головой.
Нет страшней того, как гибнут дети.
на песке на рельсах – кровь детей.
Говорят, проходит всё на свете,-
безутешно горе матерей.
О, расплата! Близится расплата
пулей, бомбой, громом батарей.
Близится! Да будет трижды свято
мщение за горе матерей!

1941

Хорошая, любимая, родная,
мы друг от друга далеко живём.
Гляжу на карточку — припоминаю:
как раз перед войной снялись вдвоём.

Словами наша речь красна, богата,
и есть слова, что в бой полки ведут,
с которыми, сжав пальцы на гранатах,
идут на подвиги, на смерть идут.

Война шумит у нас над головами,
но нас не разучила и война
хранить в сердцах с великими словами
простые наших милых имена.

1942

Опять весна над русскими полями.
Ты писем ждёшь, недели торопя.
Их много с фронтовыми штемпелями
скопилось за два года у тебя.
Пускай у писем далека дорога
от обжитых землянок фронтовых,
но эти письма я руками трогал,
и ты, читая, будешь трогать их.

1942

Видит месяц

Как хорош на чёрной бурке
красный пламень башлыка!
Видит месяц в переулке
с девушкою казака.
Далеко молва летела,
что в бою он дерзко смел:
шёл в атаку – знал, что делал,
перед танком не робел.
А сейчас, хотя он в бурке,
в той, в которой воевал,
в мирном, тихом переулке
он всю смелость растерял.
Взять бы девушку за плечи
да обнять! Чего он ждёт?
Ждёт... Ведь это первый вечер –
вместе, может, жизнь пройдёт.

1944

Не отделить нас четырёх стенам
от мира, за который мы в ответе.
Как о спокойной жизни думать нам,
когда так беспокойно на планете?

Хоть и не наши города горят,
не наш край неба заревом окрашен,
но где бы враг ни выпустил снаряд,
он целился и в будущее наше.

1948

Пионерский галстук

Как повяжешь галстук,
береги его:
он ведь с нашим знаменем
цвета одного.

А под этим знаменем
в бой идут бойцы,
за Отчизну бьются
братья и отцы.

Как повяжешь галстук,
ты – светлей лицом...
На скольких ребятах
он пробит свинцом!...

Пионерский галстук –
нет его родней!
Он от юной крови
стал ещё красней.

Как повяжешь галстук,
береги его:
он ведь с нашим знаменем
цвета одного.

1942

Сквозь время

Я помню тот год, тот ноябрь ледяной,
тифозный... Кавалерийскую школу,
товарищей новых, что спали со мной
на топчанах карантинных голых.

Курсантская молодость, где она!
Хоть всё ещё многое памятью греем,
былинными стали те времена,
и только на карточках мы не стареем.

Жесток в Оренбурге мороз в декабре,
и часто тревогу в ночах морозных
горнист Омурбаев трубил во дворе,
киргизским лицом запрокинувшись к звёздам.

Я помню и лето – горячий июль,
и степи, и конные наши лавы,
и в посвистах белоказацких пуль
моих одногодков, упавших в травы.

Не встали они с той кровавой травы
и ногу не вдели в свободное стремя,
но с карточек смотрят – смелы и правы,-
сурово и пристально смотрят сквозь время.
март 1963

Знамя

Лютее медведя зима задира
сыпалась, белая, на башлыки.
Полк отступал по лесам Урала;
мёрзлую хвою сбивали штыки.

Сыпались звёзды, да иглы звенели.
В уральских снегах заблудились леса.
Метель подбивала подолы шинелей,
мёртвым пылила в глаза.

По белым ресницам смертью подуло,
но командир впереди полка.
Он и в шинели остался сутулым –
таким, как стоял у станка.

Свистела, дымилась метель над бойцами,
всё замела, чтобы им не пройти.
Только кровинкою малою знамя
сквозь вьюгу виднелось ещё впереди.

1933

В то далекое загляни-ка

В то далекое загляни-ка.
Там зверей и птиц голоса.
Земляникой да костяникой
в Зауралье полны леса.
Дружной стайкой идут ребята.
Рдеют ягоды в туюске.
Отпечатаны лунки пяток
между соснами на песке.
Семилетним да восьмилетним
нет и дела еще до забот.
Не бойчее других, не приметней,
в этой стайке парнишка идет...

В то далекое загляни-ка.
Вьется тропка, лесная гать.
Он с винтовкой в руках и с книгой
людям счастье идет искать.
С добрым сердцем, открытым взглядом
он идет и идет сквозь года.
Рядом смерть проходила, и рядом
пострашней проходила беда...
Вспомнит это — и сердце стынет.
Пусть невзгоды встречал не один,
нелегко он пришел к вершине
неподкупных своих седин.

1961

Кровь

Я плохо учил закон божий.
Учительница мне двойки ставила
Но мне запомнилось всё же:
Каин убил Авеля.
Всё войны и войны.
Поднять головы
не в силах от горя, бабы ревели.
В музеях секиры и булавы,
быть может, от крови ржавели.
На грустной земле
испокон веков
не прятала смерть своего оскала,
и капала кровь со штыков,
со светлых сабель стекала.
Война и сегодня где-то гремит
Не быть на земле человеку спокойным,
Пока живёт ещё старый мир
и держит за пазухой войны.
1964

Зеркальце

Давно ли бегала она домой,
смывала с пальцев школьные чернила...
От бомбы чьё-то вдребезги трюмо.
Она его осколок сохранила.

И он лежал в кармашке гимнастёрки,
форсисто пригнанной, но фронтовой,
постиранной, и на локтях потёртой,
и вновь пропахшей потом и травой.

Путь до Берлина был тяжёл и долг:
сменялись вёсны, зимы на пути,
но всё хранилось зеркальце-осколок
в кармашке гимнастёрки на груди.

Глядели те же из него веснушки —
красы девичьей маленький изъян, —
смешинки глаз. Беспечной хохотушкой
она казалась фронтовым друзьям.

А то, что кулаками иногда
она со злости слёзы утирала,
не видели. Но Родины беда
в жестокий год её бедою стала.

Недаром зеркальце хранит она,
где воинский билет и ордена.

1965

Вправе

Величием своей судьбы
Москва гордиться вправе.
Ей сорок первый не забыть,
ей сорок пятый славить.

Понятно многим на земле:
давно вершиной мира
стал флаг над куполом в Кремле,
а не снега Памира.

Окинув дали впереди,
Москва дерзает, строит.
На каменной её груди
горит звезда героя.

1966

Места за партой

Пылала война. Не поднять головы:
металла горячего рушились тонны.
Не стало в живых миллионов живых,
и столько ж не стало ещё не рождённых.

Задумаешься, и мелькают года,
и сонмами смутно проходят тени.
Есть слава, на мраморе даты рождений,
но это у живых, у тех – глухота
да в школе за партой пустые места.

1970

Энская застава

На пост заступил. Всё как надо.
Устав не пустяк. До беды
тут малость одна. У солдата
глаза из-под шапки тверды.

Ему девятнадцать, как многим,
Что службу несут. У него
Сестрёнка и мать в Таганроге,
И больше родных никого.

Ещё непривычна особость
Далёкого края ему.
Рассвет от обветренных сопок
Встречать на посту одному.

Позёмка в кустах шевелится.
Белея, теснятся кусты.
С двумя сторонами граница.
На той и на этой посты.

На той и на этой солдаты,
Да, может, и снег на броне.
Тут правила дружба когда-то.
Забыта на той стороне.

Граница. Она – не с экрана.
Лежит, как снега ни мели,
Открытою сабельной раной
На добром лице земли.

Мне сердце сжимает и давит,
Когда я за строчки смотрю
Туда, где на энской заставе
позёмка бинтует зарю.

1978

Осень

Кончен с августом расчёт,
И дожди не ждут указок.
Серая вода течёт
Струйками с зелёных касок.

От дождя звенит в ушах:
И, хотя не замечаем,
Осень с нами в блиндажах
Греется горячим чаем.

А когда пойдём мы в бой
И «ура» родное грянет,
Даже осени – и той
В рукопашном жарко станет.

1941

Я сердцем родину объемлю.
Нет, не померкнет родины звезда!
Враги, ступив на нашу землю,
В неё и лягут навсегда.

1941

Санитар

У санитара много
Неведомых друзей.
Спасая жизнь другому,
Он не щадит своей.

Повсюду бой грохочет.
Земля в огне, в бреду.
Он раненых выносит
У смерти навиду.

И кто из них не вспомнит,
Забыв названия мест,
Глаза его родные,
На сумке красный крест.

1941

В рабочем посёлке, занятом белыми

В упор нацелены ружья,
но головы не клонятся вниз.
Два залпа – и долго кружится
облако вспугнутых птиц.
Сплошные вороны крылья...

Ядрён уральский мороз.
И мёртвых рогожей накрыли,
чтоб мёртвым не видеть звёзд.

1932

Атака

У взводного бинт
алой кровью промок.
От гильз неостывших
струится дымок.

Опять поднялись,
и опять залегли,
опять на локтях
под огнём поползли.

«За власть Сове...»
Наган упал к ногам.
Пуля перешибла
слово пополам.

Лежит комиссар
на холодном снегу,
упав на бегу
головой к врагу.

Но слово коммуниста
пуля не берёт.
Он встанет он, безусый,
но слово живёт.

Его подхватили
живые голоса,
живые, молодые,
горячие сердца.

Чтоб стало это слово
делами греметь,
чтоб юных не оплакивала
траурная медь.

1932

Боец Садоха

Закрыв тяжёлые ворота,
Посты расставив во дворе,
Под Новгородом немцев рота,
Разувшись, спит в монастыре.
Но стёкла вышибло гранатой.
Старинный монастырь оглох.
За белой каменной оградой
Сбивает с ног переполох.
Рвут в клочья темноту гранаты...
Панкратов с ротой шёл не зря:
Бегут немецкие солдаты
Из женского монастыря.
А выход из ограды узкий,
И чтобы немцу не уйти,
Стоит, как витязь древне-русский,
Боец Садоха на пути.
И штык его до основания,
До самого ствола – в крови...
Когда нет подвигу названья,
Ты просто – песней назови.

1941

О красоте

Его любой себе представит живо.
Он краску снял, стирает пот с лица.
Бесстрашием и мужеством красиво
Лицо простого русского бойца.
Ни перед чем такой крутить не станет.
Ходил в штыки четырнадцатый раз.
Случится, смерть в глаза ему заглянет-
Он не зажмурит юных дерзких глаз.
Казалось мне, земле – и той хотелось
Запечатлеть широкий шаг бойца.
Неразделимы красота и смелость:
Отвратен трус – пускай красив с лица.

1941

По дороге на аэродром

Простора не охватишь взглядом.
Хлеба, хлеба, хлеба кругом.
Садился истребитель рядом,
Но где же тут аэродром?
Как будто так, по-птичьи, где-то
Присели ястребки в хлебах.
Но трезво фронтовое лето.
С землёй, хрустящей на зубах.
Оно ведёт к аэродрому,
Где у колосьев на виду
Проходят лётчики, где грому
Из пыли рваться в высоту.
Жизнь без дерзания нелепа.
Дерзанья лётчику подстать.
Пускай до славы – как до неба,
До неба тут – рукой достать.

1941 год

Арсений Дмитриев

Когда читаю: «Дмитриев Арсений»,
Я ощущаю воздух фронтовой.
Тобою сбитых самолётов тени
По жёстким травам шли вниз головой.

Тебя, боец воздушного простора,
Твою повадку в небе узнаём.
Родное сердцу пение мотора
Я слышу в русском имени твоём.

Тобою сбитых «Хейнкелей» считая,
Я вижу вновь обломки, пламя, дым.
Легко твоя фамилия простая
Ложится в песню словом золотым.

1941

Танкисты в часа отдыха

Как танкисты под гармонь запели,
Даже ветер, слушая, притих.
Пальцы от железа огрубели,
Но двухрядка слушается их.

Эх, да фронтовое небо мглисто.
Подтяни, товарищ дорогой!
Клавиши гармони голосистой
Льются перламутровой рекой.

Сколько раз танкисты в бой ходили.
Закалилась молодость в огне.
Не померкли от военной пыли
Боевые звёзды на броне.

1941

Идёт зима

Туман пройдёт над голым лесом,
Морозы вызвездят зенит.
Земля на фронте, как железо,
Под каблуками зазвенит.
Засвищут вьюги и бураны,
Вздымая снег до самых звёзд.
Как русский штык четырёхгранный,
Разить врага начнёт мороз.
Зима, жестокая по праву,
Иди, лютуй, как никогда!
Из Кенигсберга рыжий Пауль,
Тебя никто не звал сюда.
Околевай! Тепла не требуй!
Пройдёт пурга по волосам.
Лежать в снегу глазами к небу
В немецких касках мертвецам.
Штыком и танками
Мы сами
Победу вырвем, наконец,
Но русский наш мороз – он с нами
Пойдёт, как рядовой боец.

1941

Смерть врагу

Мороз. Декабрь. Снега, снега.
Врагу за ворот, в рот набьётся снег.
Коли штыком, прикладом бей врага,
Тебя прославит родина навек.
Простое сердце ярости учи,
Пусть будет ненависть врагу в ответ.
В лесу, в деревне мушкою ищи
Шинели мюнхенской мышиный цвет.
Пускай не дрогнет мщения рука,
Ловушкой будет хата, куст, овраг.
Святое дело – убивать врага,
Когда отчизну топчет враг.

1941

Москва

Завидуя бессмертной нашей славе,
Потомки вспомнят грозные дела,
Стараясь как-нибудь себе представить,
Какой же в эти дни Москва была.
Они увидят, словно всё приснится,
И жёсткий снег в ночи прифронтовой,
И твёрдые простые наши лица
В сверкании зениток над Москвой.
Военные плакаты в коридорах,
В походных книжках адреса друзей,
Разгромленные танки, у которых
На гусеницах пыль Европы всей.

1941

Я сердцем родину объемлю.
Нет, не померкнет родины звезда!
Враги, ступив на нашу землю,
В неё и лягут навсегда.

1941

О Москве

В настороженном городе темно,
Прохожего патруль окликнет строго,
И светом не блеснёт окно,-
Кругом слепые бельма окон.
Ну что ж, пускай Москва затемнена,
Пускай огни зажжём ещё не скоро-
И затемнённая, она-
На свете самый светлый город.

1942

Где побыл враг

Уж далеко остались позади
Можайские берёзовые чащи,
И Вязьма – вот, за дымкой голубой,
И Белоруссия всё чаще, чаще
Прислушивается – далёк ли бой?
От пепла, крови – страшен след врага.
Где побыл враг – жилища очищайте,
Скребите, мойте – сколько силы есть...
Морозы подмосковные, крепчайте,
Чтоб дух немецкий выморозить здесь.

1942

Как один за родину мы стали.
Нас поднял вождя народный зов.
В грозной битве всюду в нами Сталин.
В каждой роте он среди бойцов.
Он во всём народе многоликом,
Рвущемся на подвиги вперёд.
Сталин! В этом имени великом
Родина вместилась, весь народ.

1941

Сорок первому году

Год, оставшийся тяжёлой былью,
Потрясённый страшною войной,
Новгородской раскалённой пылью
Ты опять встаёшь передо мной.

Не забуду серых пыльных касок,
Пропотевших дочерна рубрах.
Нас бросал на землю свист фугасок,
И земля хрустела на зубах.

Пусть прошёл ты как, а не иначе,
Пусть! Победы нам недолго ждать.
Вместе мы терпели неудачи,
Вместе и учились побеждать.

Грозный год, в снегах, в морозах лютых,
В громе битв кончается твой срок.
За твои последние минуты
Мы подняли фронтовой паёк.

Нам идти вперёд в мороз и ветер,
Где дымится чёрный вражий след.
Бой идёт за вечность. Мы в ответе
Не за год – за миллионы лет.

О весне

Весна придёт – её известны сроки,
Придёт обыкновенно, как всегда, -
И фронтовые ржавые дороги
Источит синяя апрельская вода.

Пусть всё сильнее фронты гремят, сверкают
Над снежной мартовской голубизной,
Смешно подумать! Нас враги пугают,
Пугают нашей русской весной.

А нам вдыхать её простор и запах,
Ловить глазами солнечную нить.
У солнца путь и путь у нас – на Запад,
И этого пути не изменить.

Вбежала в небо красная ракета

Вбежала в небо красная ракета
И не успела в небе догореть –
Ударил зенитка где-то,
Потом ещё...и начало греметь.

И воздух, потрясённый громом долгим,
То тут, то там сверкает над Москвой.
В полночном небе звёзды да осколки,
В домах – по радио – сирены вой.

Москва насторожилась, стала строже
Домами, тёмной пустотой дворов.
Но даже не ускорил шаг прохожий
Под ливнем голубым прожекторов.

Не знаю – кто он: академик? Слесарь?
Но я в одном с ним городе живу,-
Он не дрожит. Он в руки брал железо,
Железом, рвами окружил Москву.

Он тем же шагом мерил мостовые
И в тьме октябрьских памятных ночей.
В те ночи, может быть, Москва впервые
Узнала настоящих москвичей.

Партизанка

Убили партизанку на рассвете.
Две ночи длились пытки и допрос.
Прощаясь, трогал подмосковный ветер
На лбу девическую прядь волос.

Исколотую прусскими штыками,
В разрушенном селеньи, на краю,
Мы подняли солдатскими руками,
Россия, дочь любимую твою.

В снежинках всю её мы положили
В избе просторной посреди села.
Ещё о ней мы песен не сложили,
Но жизнь её – вся песнею была.

1942